

Сухарев М.В.
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ПРОМЫСЛЫ КОРСУНЬСКОГО ТАВРИЧЕСКОГО МОНАСТЫРЯ В
КОНЦЕ XVIII – XIX в.

В конце XVIII в российское правительство предпринимало усилия по заселению Новороссийского края, вобравшего в себя земли Крымского ханства и Запорожского казачества. С этой целью всячески поощрялось переселение старообрядцев из внутренних губерний Российской империи на новые территории.

27 августа 1785 г. делегация старообрядцев – поповцев во главе с архимандритом Стародубского монастыря Иоасафом получила разрешение на поселение в Таврической областиⁱ. Стародубские старообрядцы получили право на открытие Корсуньского монастыря и назначение иерарха, подчиненного архиепископу Слоveno – Херсонскому. Таким образом появился первый в стране единоверческий монастырь, к которому были приписаны все единоверцы России.

О численности старообрядцев – единоверцев в Таврической губернии точных сведений не имеется. Доклад Корсуньского монастыря Таврическому губернатору А. М. Бороздину, датированный 13 октября 1811 г., дает представление о местах проживания единоверцев в Таврии: "... по единообразному обрядов содержанию к монастырю сему имеющие приверженность жительствуют в городах Севастополе, Перекопе, Алешках и Кинбурнской крепости; в казенных селениях в Большой и Малой Знаменках, в Днепровке и Маячке, в Больших Копанях и Збурьевке, и в помещицьем селении Каховке"ⁱⁱ.

Со временем центр единоверия переместился в центральные районы России. Сама Корсуньская обитель в 1848 г. была преобразована в первоклассный монастырь, подчиненный епархиальному священнику. В 1894 г. в монастыре проживали 18 монахов и 30 послушниковⁱⁱⁱ.

Первоначально строительство Корсуньского единоверческого монастыря началось в 1787 г. возле села Большая Знаменка Мелитопольского уезда. Монастырю было выделено 3 тыс. десятин пахотной земли^{iv}. Однако монахи испытывали серьезные неудобства в отведенном им месте. Во-первых, монастырь был удален от Днепра на 10 верст. Во-вторых, сказывалось отсутствие леса, что создавало проблемы с отоплением в холодное время года. Поэтому в 1796 г. настоятель монастыря архимандрит Иоасаф обратился к Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору П. А. Зубову с просьбой об отводе монастырю 120 десятин леса из владений жителей Никополя. Но оказалось, что лесных угодий не хватает самим никопольчанам. Тогда монахи решили воспользоваться советом Г. А. Потемкина, данным им в 1785 г., переселиться, в случае надобности, на новое место в пределах Таврии.

5 апреля 1796 г. по представлению генерал-губернатора Зубова было получено Высочайшее согласие на перевод монастыря на новое место. Монахи – единоверцы обосновались на берегу Днепра между селениями Каховка и Алешки. В монастырских документах за 1800 г. местоположение обители обозначено следующим образом: "... Перекопского уезда [Днепровский уезд с 1802 г. – Примечание автора.] при урочище Фролово, лежащем ниже Берислава по течению реки Днепра с левой стороны в смежности дачи помещика полковника Куликовского и казенного селения Казачьи Лагерь"^v.

В марте 1797 г. Таврическое областное Правление выделило Корсуньскому монастырю 3000 десятин удобной и 2447 десятин 775 квадратных саженой неудобной земли^{vi}. Через 100 лет, в 1897 г., пахотной, огородной и сенокосной земли в монастыре числилось около 950 десятин. Остальная земля использовалась для выпаса скота. Исключение составляли плавни, болота, пески и дороги.

Сами монахи обработкой земли практически не занимались. Ежегодно они нанимали до 50 батраков-земледельцев, работавших за плату. Помимо этого, монастырь сдавал свои земли в аренду крестьянам. Половину прибыли от проданного урожая крестьяне отдавали монастырю.

На территории Корсуньского монастыря находились многочисленные хозяйственные постройки: скотный двор, конный двор, мельница и др. За монастырской оградой тянулись огороды и виноградники, сады с плодовыми деревьями и роща^{vii}.

В 1868 г. монастырь владел обширным стадом домашних животных: овец – 1936 голов; коров, телок и быков – 157; телят – 51; бугаев – 9; лошадей – 140; волов – 21 пара^{viii}. К 1897 г. в обители имелось около 100 лошадей и примерно 700 голов рогатого скота.

Монахи испытывали определенные трудности не только в период проживания в Мелитопольском уезде, но и после переселения в Днепровский уезд. Так, в январе 1800 г. прапорщик Малечин отобрал у монастыря вербный и лозовый кустарник, из-за чего монахам нечем было отапливать кельи.^{ix} Игумен Иоасаф вынужден был обратиться с жалобой на Малечина к его начальнику оберфорштмейстеру Богдану фон Боргу. Борг предписал Малечину ни в чем не препятствовать монахам на территории монастыря и разрешил им вырубать вербы и лозу для отопления. Вскоре Корсуньский монастырь получил право для отапливания помещений "вырубать из казенных дач... дрова с заплакою денег"^x. Таким образом, вопрос был окончательно разрешен в пользу монахов.

Вышедший в 1808 г. императорский указ значительно улучшил материальное положение Корсуньской обители. В содержание монастыря, согласно указу, предоставлялись два соляных озера^{xi}. Ежегодно монастырь мог получать из них по 500 фур соли без каких-либо платежей в казну. Это составляло около 5 тыс. рублей.

В 1811 г. монастырь отказался от владения озерами и передал их казне. По договоренности с государственными структурами, монахи ежегодно получали из этих озер 500 фур соли, в каждой фуре по 70 пудов. За год в монастырь поступало из казенных запасов 35 тыс. пудов соли. Монахи при этом платили казне лишь за вывoločку соли. В результате соляные доходы обители выросли до 14 тыс. рублей.

В 1822 г. цена на крымскую соль поднялась до 95 коп. за пуд^{xiii}. Соляные поступления в монастырь увеличились до 33250 руб. ассигнациями. В связи с повышением цен на соль министр финансов предложил уменьшить количество отпускаемой Корсуньскому монастырю соли таким образом, чтобы его годовой соляной доход, как и ранее, не превышал 14 тыс. рублей. Однако Комитет министров на своем заседании большинством голосов отверг это предложение. Министры мотивировали свое решение тем, что монастырь не получал от государства денежного довольствия. В возникшем споре император встал на сторону министров. Благодаря позиции Александра I, льготы для Корсуньского монастыря были сохранены.

В 1858 г. условия получения соли для монастыря изменились. Монахам стали выделять отдельные участки на соляных озерах, где они могли добывать соль. Ежегодный доход от продажи соли составлял теперь не более 10 тыс. рублей. В силу экономических обстоятельств с 1881 г. соляной промысел перестал приносить монастырю какой – либо доход^{xiii}.

Поскольку Корсуньский монастырь располагался на берегу Днепра, монахи активно занимались рыболовством. Право на рыбную ловлю им гарантировал ордер Новороссийского военного губернатора Михельсона, подписанный 24 мая 1801г. В ордере говорилось: "Предписываю команде войска Донского казацкого Грекова 5-го полка, содержащей пограничный караул по берегу Черного моря, в ловле рыбы игумену и братии Корсуньского монастыря препятствия не делать, ежели со стороны земства каких-либо законопрепятствующих причин к тому не настоит"^{xiv}.

С момента основания монастыря в 4 верстах от него, в плавнях, был устроен рыбный завод. Переработкой рыбы на нем занимались наемные рабочие. Их контингент постоянно менялся. Об этом свидетельствует запрос, исходивший из Днепровского суда в 1810 г., в котором сообщалось: "...находящийся же на том рыбном заводе Корсуньского монастыря монах... объявил, что бывшие в прошедшем 1809 году на рыбном заводе рыболовы разошлись... на месте которых находятся другие..."^{xv}. Возможно, что на рыбном заводе в монастыре работали сезонные рабочие. Другой монастырский рыбный завод был устроен в 1889 г. в 1 версте от монастыря, на Днепре. Прибыльная продажа рыбы компенсировала монахам утрату соляных доходов.

В 1860-е гг. ежегодный доход от продажи свечей в монастыре составлял 500 руб. серебром. С 1866 г. он всецело направлялся в пользу духовного епархиального мужского училища^{xvi}. На 1 января 1895 г. общий доход Корсуньского монастыря составил 47383 руб. 32 коп. (12783 руб. 32 коп. деньгами и 34600 руб. казначейскими билетами)^{xvii}.

В конце XVIII – XIX в. Корсуньский старообрядческий, а впоследствии православный монастырь имел достаточно крепкое хозяйство. Этому способствовали значительные доходы от продажи соли и рыбы, умелое использование земельных владений. При этом государство всячески поддерживало экономическое процветание монастыря.

ⁱ Бельский А. В. Старообрядцы и архиепархия Юга Украины в XVIII – XX веках // Культура народов Причерноморья, 1997, №2. – с. 112 – 113.

ⁱⁱ Государственный Архив Автономной Республики Крым (ГААРК). Ф. 135. Оп. 1. Д.1. Л. 61.

ⁱⁱⁱ Катунин Ю. А. Из истории христианства в Крыму. Таврическая епархия (вторая половина XIX – начало XX века). Симферополь, 1995. – с. 71.

^{iv} Корсуньский первоклассный мужской монастырь Таврической епархии. Симферополь, 1897. -с. 13.

^v ГААРК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

^{vi} Корсуньский первоклассный... – с. 13.

^{vii} Моисеев Л. С. Старообрядцы в Таврической губернии в конце XVIII – начале XX вв. //МАИЭТ, 1996, вып. 5. – с. 201 – 202.

^{viii} Катунин Ю. А. Указ. Соч. – с. 71.

^{ix} ГААРК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

^x Там же Л. 22.

^{xi} Корсуньский первоклассный... – с. 27.

^{xii} Там же. – с. 28.

^{xiii} Там же.

^{xiv} ГААРК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

^{xv} Там же. Л. 57.

^{xvi} Катунин Ю. А. Указ. Соч. – с. 72.

^{xvii} Там же. – с. 71.